

Вероятная этимология слова Я

*Он раскрыл рот и сказал: – Я!
Его спросили: Кто – я?
Он ответил: Я – Владимир
Маяковский. А Владимир
Маяковский – кто? – Я!*

Марина Цветаева

Местоимение

Местоимение является попыткой классификации слов, выражаемой самим названием – «вместо имени». Есть, стало быть, *имена* и некоторые другие слова, используемые *вместо* них. Чем они отличаются название, конечно, не объясняет. Это нужно искать в учебниках. Например, А.А. Реформатского «Введение в языковедение», лгстиво называемом *классическим*, т.е. наилучшим из всех возможных или не поддающимся улучшению.

Где можно узнать, что местоимения это «*заменители названий, значение которых выясняется только из ситуации*» и что они «*именуют уже поименованное*».

Другими словами, *переименовывают* названия. Вопрос – зачем? – даже не ставится и соответственно ответа не получает.

В приводимом примере – «Вошел человек, он был уже не молод» – местоимение *он* может заменять не только слово *человек*, но и, например, слово *который*. В свою очередь являющееся местоимением. Одно местоимение переименовывает другое – и что это может значить?

Из того, что местоимения «*именуют уже поименованное*», вытекает, что сами *названия* существуют до появления их *заменителей*. То есть они *первичны*, а их заменители (местоимения) – *вторичны*.

Вообще-то наличие *других* названий того же самого тоже является «именованием уже поименованного», не обязательно относящимся именно к местоимениям.

Но прежде всего, зачем нужна такая замена? Чем плохо само название, и почему его понадобилось *заменять*?

Вопрос решается очень просто. Названия могут просто *отсутствовать* или же быть *неизвестны* или *забыты*. Как при рождении Макондо – «Мир был еще таким новым, что многие вещи *не имели названия* и на них приходилось показывать пальцем».

Местоимения это заменители не только *имеющихся*, но прежде всего *отсутствующих* названий, *восполняющие* это отсутствие. Что позволяет на первых порах обходиться вовсе без них рис. 1, 2.

Рис. 1. – Чего ты хочешь? – ЭТО! (фильм «Ягуар»)

Рис. 2. – Пиво или девчонку? – Не понимаю (не знаю этих названий).

Вначале, когда названия еще отсутствуют, возникают именно эти универсальные обозначения, используемые взамен *имен (местоимения)*. Их можно даже назвать не *местоимениями*, а *до-* или *прежде-*имениями.

А после этого к ним добавляются и сами названия, заменяющие местоимения.

То есть, вопреки Реформатскому, местоимения *первичны*, а названия *вторичны*.

С введением названий необходимость в местоимениях в принципе отпадает. Однако их оставляют на случай возможной нехватки слов. И для разнообразия, когда местоимения используют взамен имеющихся названий, т.е. действительно их заменяют. Вначале же они «заменяют» то, чего еще вовсе нет. И лучше сказать – восполняют это отсутствие.

Раньше считалось, что «овладение именем», т.е. названием *посторонними* является своего рода обретением власти над ним или его «душой». В мистических повествованиях есть даже рекомендации требовать назвать себя демоническим существам на предмет их

обезвреживания. Теперь это считается признаком древности и даже дикости, давно и успешно преодоленным «прогрессом». Однако, всегда ли мы сами желаем сообщать свое имя первому встречному, особенно не симпатичному, с которым лучше общаться посредством местоимений, прямо не называя себя? Символически защищая этим что-то свое внутреннее и сокровенное. И что мы хотим узнать о заинтересовавшем нас лице в первую очередь? – Имя, конечно. Нам при этом уже недостаточно просто местоимения рис. 3, 4.

Рис. 3. – Кто это? – А-а-а, так это ж *Лидка* с параллельного потока.

Рис. 4. – ЛИ-ИДА... Почему я ее раньше не видел?..

Для незаинтересованного лица это всего лишь *Лидка*, одна из тысяч других таких же Лидок, а вот для Шурика – ЛИ-ИДА... Как что-то невероятное и потрясающее.

Этим же объясняется использование псевдонимов, по нынешней моде – *ников*, когда собеседник намеренно уклоняется от своего представления или маскируется под что-то другое, прячась за выдуманной нарочно для этого словесной маской. Это ведь тоже переименование, но не универсальное как местоимение, а обозначенное ложным названием.

Итак, в силу ряда причин используются универсальные обозначения, полностью или частично лишенные каких-либо узнаваемых отличительных признаков. Даже при наличии собственного названия.

Их-то и называют местоимениями, т.е. обозначениями, используемым *вместо имен*. При этом они являются обычными *значащими* словами, происхождение и смысл которых можно попытаться раскрыть или угадать методами этимологии. Если здесь вообще уместно говорить о каких-то ее методах.

Методы этимологии.

Есть несколько способов отыскания происхождения слов. Вначале обычно ищут *заимствования* из других языков, на которых вовсе не говорят. Отчасти это бывает оправдано, но этот подход простейший. Подобный тому, как происхождение жизни пытаются объяснить ее занесением с других планет или «звезд». Предполагая при этом, что ее происхождение *там* уже никакого значения не имеет и объяснения вовсе не требует или «не интересно». Аналогично происхождение слов в языках предполагаемого заимствования этимологов не интересует. Уже потому, что при этом запросто могут использоваться слова *произвольного* смысла, никак не связанного с этимологизируемым словом. Не говоря уж о том, что их звуковые *совпадения* лишь приблизительны, что вовсе недопустимо при этимологизации из собственного языка. Хотя его варианты произношения не просто возможны, но и являются основным способом получения дополнительных смыслов, связанных с исходным словом.

Часть слов может объясняться звукоподражанием объектам окружающей нас живой или неживой природы в меру музыкального слуха создателей языка. Например, слова ГАВкать, КВАкать, КРЯхтеть, МЯУкать, КУКУшка. Или же волчий призыв ОУ-У-У, являющийся *высказыванием* вполне понятного не только самим волкам смысла: – Эй, кто меня слышит *из наших* отзовитесь (а посторонних просим не беспокоиться)! По принципу подражания в точности то же самое, но уже относящееся только лишь к людям – АУ-У-У!

И лишь оставшиеся *исходные* или *первичные* слова причем ограниченно и неохотно приходится признавать простыми комбинациями доступных нам звуков (гласных и согласных) по принципу математических *соединений*, *сочетаний* или *перестановок*. Их может быть не слишком много хотя бы потому, что память человека в отличие от компьютера устроена таким образом, что формальное запоминание произвольных комбинаций для большинства затруднительно. Зато она хорошо приспособлена к ассоциациям по сходству, поэтому близкие по звучанию и значению слова с близкими смыслами усваиваются, т.е. запоминаются и используются легко.

Это относится ко всем исходным или первичным словам.

Аналогичный пример дает нам и математика, где собственных наименований чисел немного (всего десять – от нуля до 9), а прочие наименования образуются введением *разрядов* или родов чисел, выстаиваемых в определенной последовательности – слева направо, вначале числа большего (или старшего) рода, затем меньшего (младшего) и так вплоть до исходного – первого. Например, число 2015 обозначает интересующую нас дату, образуемую 2 единицами 4 рода, нулем единиц 3 рода, одной единицей 2 рода и наконец пятью единицами 1 рода, где единица каждого большего рода образована (9+1) единицами ближайшего меньшего рода.

Так можно получить собственное наименование чисел для *любоых* случаев посредством этого правила, используя всего 10 исходных наименований. Причем *однозначные* для каждого из них и *не совпадающие* для *разных* случаев. Не перегружая этим ограниченную

память пользователей. В устном языке это правило несколько нарушается использованием дополнительных наименований – сто, тысяча, миллион, но в письменном они уже являются излишними.

В точности так же можно получать неограниченное число разных слов используя ограниченный набор исходных или первичных слов, образуемых всего двумя звуками – гласного и согласного в различных их сочетаниях.

Исходные простые слова соединяются затем в смысловые сочетания без всяких грамматических правил, образуя при этом сложные составные слова. Во многих случаях это можно увидеть, разбивая их на значащие части.

Вот, например, сложный корень ЛЁГ с вариантами ЛОГ или ЛОЖ. Образующий соединением простых исходных слов ЛО (с вариантом произношения ЛЬО=ЛЁ) + ГА или ЛО + ЖЕ. С исходным смыслом ЛО – класть, ГА – движение сверху вниз <http://sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/13359.html>, ЖЕ – требование, выражающее настоятельную необходимость – КЛАДИ ЖЕ.

Образующие слова ЛЁЖ(ка), ЛОГ(ово) или ЛОЖ(е). С общей идеей ЛОЖИТЬСЯ=ЛО-ЖЕ-ТЫ-СЯ.

Где его еще можно встретить? ПОЛОЖИТЬ=ПО(верх)+ЛО+ЖЕ+ТЫ.

Или ПРЕД-ЛОГ=ПРЕ(жде)+ЛОЖ(ения).

А что *предлагает* научная этимология?

«Предлог

Словообразоват. *калька* греч. *prothesis*. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. — М.: Дрофа Н. М. Шанский, Т. А. Боброва 2004».

Вот ещё:

«Предлог

предлог калька греч. *πρόθεσις*, лат. *praepositio*; см. Томсен, *Gesch.* 19. Этимологический словарь русского языка. — М.: Прогресс М. Р. Фасмер 1964—1973».

То есть русские еще даже разговаривать не умеют, но уже едут в Грецию, образовывать из нее *кальки*. И это почему-то называют «наукой».

Или еще ПРЕД-ЛОЖЕНИЕ=ПРЕ(жде)+ЛОЖ-Е-НИ-Е или ПРЕД-ПО-ЛОЖЕНИЕ=ПРЕ(жде)+ПО(верх)+ЛОЖ+Е+НИ+Е. Еще одна «калька» из греческого?

Известно выражение «Я НЕ Я» (и лошадь не моя), пишущееся раздельно. В значении ЭТО НЕ Я или НЕ Я БУДУ (теперь еще БЛЯ БУДУ). Аналогично этому Е+НЕ+Е, теперь уже в слитной записи – сокращение Е(сть)+НЕ+Е(сть), возможно, в понимании съедобности, т.е. в значении ТО+НЕ+ТО, ЧТО+НИ+БУДЬ или КАК НИБУДЬ.

Например, РАСТЕНИЕ=РОС+Т(ы)+Е+НИ+Е. В значении КАКОЕ-ТО или КАКОЕ-НИБУДЬ.

Поэтому ПРЕДЛОЖЕНИЕ=ПРЕД+ЛОЖ+Е+НИ+Е=ПРЕ(жде)+ЛОЖ+ЧТО+НИБУДЬ.

Или ПРЕДПОЛОЖИМ=ПРЕД+ПО(верх)+ЛОЖ(класть)+ИМ.

И наконец совсем уж «древне»греческий – СИЛЛОГИЗМ. Мыслимо ли еще и ему вдруг оказаться *русским*? – Свят, свят, свят, скажет насмерть перепуганная «наука».

А если разбить его на составляющие? СЕ+ЛОГ+ИЗ+М(ы)=СЕ+ЛОЖ(ится)+ИЗ+М(ы).

То есть ЭТО УКЛАДЫВАЕТСЯ (из того, что сказано). Или же ЭТО (сказанное) СКЛАДЫВАЕТСЯ (СОЕДИНЯЕТСЯ). Есть еще слово НЕСКЛАДУШКИ, т.е. НЕ СИЛЛОГИЗМЫ.

А здесь пример туманного рассуждения «научной» этимологии:

«Происходит

от др.-греч. *συλλογισμός* «подытоживание; рассуждение; силлогизм», от гл. *συλλογίζομαι* «подытоживать; умозаключать», далее из *σύν* (вариант: *σύμ*; первоначально *ζύν*) «с, вместе, совместно» + *λογίζομαι* «считать; рассчитывать», далее из *λόγος* «слово, речь, разум; мнение» (восходит к праиндоевр. **leg-* «собирать»). В ряде европейских языков слово заимств. через лат. *sylogismus*».

Отсюда что-нибудь вообще можно понять? Или «настоящая» наука должна быть обязательно непонятной рис.5?

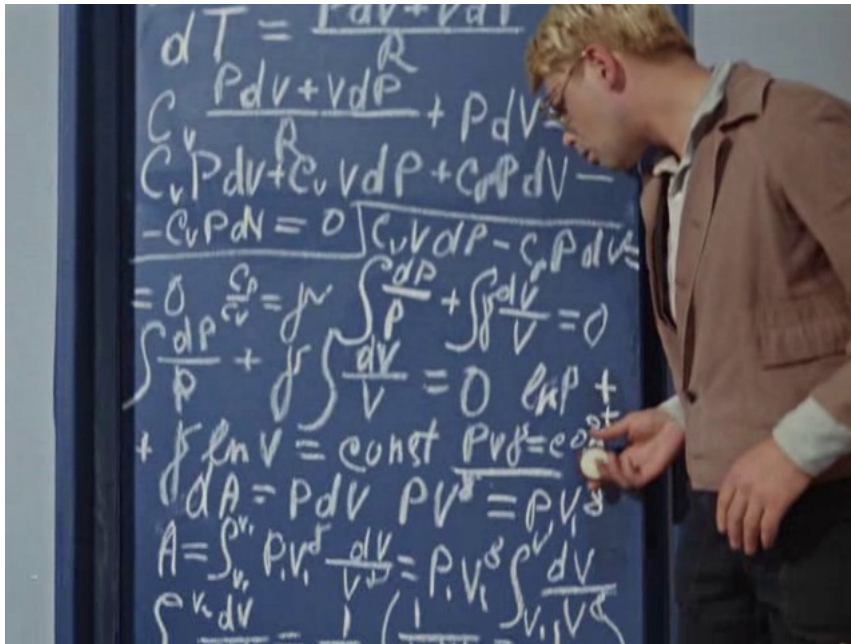

Рис. 5. «Настоящая» наука должна выглядеть так...

А если она и «ежу понятна», то спрашивается, какая же это наука? Насколько это ЛОГИЧНО=ЛОГ+И+Ч(ест)НО, то есть КЛАДИ ЧЕСТНО?

Вернемся к местоимениям по теме данной статьи.

Эти обобщенные обезличенные обозначения тоже составлены исходными простыми словами. С развитием грамматики они начинают склоняться, как и любые смысловые слова. В чем состоит их исходный смысл, каково их происхождение и значение?

Это можно попытаться установить, рассматривая сами склонения. О которых в учебниках сообщается – «Все личные местоимения изменяются по *падежам*, т. е. *склоняются*. Склоняются личные местоимения *особым* образом, причем формы их косвенных падежей *образованы от другой основы* (так называемый *супплетивизм*)».

Вот именно эта *особость* склонения *от другой основы* сразу же вызывает вопросы – а почему?

Попробуем рассмотреть это всего на одном примере.

Личное местоимение 1-го лица единственного числа.

Его склонение показано на табл. 1.

Таблица 1

Падежи	Личное местоимение 1-го лица единственного числа
Именительный – <i>кто, что?</i>	<i>я</i>
Родительный – <i>кого, чего?</i>	<i>меня</i>
Дательный – <i>кому, чему?</i>	<i>мне</i>
Винительный – <i>кого, что?</i>	<i>меня</i>
Творительный – <i>кем, чем?</i>	<i>мной/мною</i>
Предложный – <i>о ком, о чем?</i>	<i>(обо) мне</i>

Эти склонения *неправильные*, поскольку косвенные падежи образованы от другой основы. При этом и сами косвенные падежи тоже *неправильные*. Сделать их правильными можно двумя способами – с пропуском Е в *родительном* и *винительном* падежах табл.2.

Таблица 2

Падежи	Личное местоимение 1-го лица единственного числа
Именительный – <i>кто, что?</i>	<i>я</i>
Родительный – <i>кого, чего?</i>	<i>меня</i>
Дательный – <i>кому, чему?</i>	<i>мне</i>
Винительный – <i>кого, что?</i>	<i>меня</i>
Творительный – <i>кем, чем?</i>	<i>мной/мною</i>
Предложный – <i>о ком, о чем?</i>	<i>(обо) мне</i>

Или наоборот – вставкой гласной Е между согласными М и Н в *дательном*, *творительном* и *предложном* падежах табл.3.

Таблица 3

Падежи	Личное местоимение 1-го лица единственного числа
Именительный – <i>кто, что?</i>	<i>я</i>
Родительный – <i>кого, чего?</i>	<i>меня</i>
Дательный – <i>кому, чему?</i>	<i>мене</i>
Винительный – <i>кого, что?</i>	<i>меня</i>
Творительный – <i>кем, чем?</i>	<i>меной/меною</i>
Предложный – <i>о ком, о чем?</i>	<i>(об) мене</i>

В первом случае возможной *основой* косвенных форм является корень МН как в слове МНИТЬ, т.е. воображать или казаться, откуда МНЕНИЕ. А во втором – корень МЕН как в слове МЕНА или ОБМЕН.

Какая из этих двух разных возможностей предпочтительней? Что более вероятно – пропуск гласной Е в корне МЕН табл.2 или наоборот ее добавление в корне МН табл.3? Другими словами, что следует считать исходным корнем – МН или МЕН?

Естественным путем развития языка является *упрощение* сложных слов, образуемых исходными простыми словами, посредством их *сокращения* или *редукции*, а не усложнение с добавлением звуков. Поэтому корень МН с пропуском гласной Е может происходить от

корня МЕН, а не наоборот, корень МЕН – от корня МН с добавлением гласной Е между согласными М и Н. То есть предполагаемой основой рассматриваемых косвенных падежей должен служить именно корень МЕН в слове МЕНА. Слово это *торговое* и очень важное в экономических отношениях между людьми, выражаемых с помощью языка. Тут мы сразу же попадаем в область исходных или первичных слов.

Слово МЕНА образовано двумя частями МЕ + НА. Первое, по-видимому, и является собственно обозначением самого обмена или возможный его предмет, второе же – НА означает *возьми*, т.е. предложение его выполнения. Оба являются исходными *простыми* словами, соединенными в одно новое *сложное* слово. Исходное слово МЕ (в произношении МЭ, вариант – БЭ) в языке не исчезло и до сих пор применяется с долгим Е – МЭ-Э-Э или БЭ-Э-Э с вполне понятным исходным значением – *барашек* или *козленок*, предлагаемые к обмену или же приобретенные посредством обмена рис. 6 (из кинофильма «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика»).

Рис. 6. – БЕ-Е-Е (Предмет обмена - барашек!).

В той же ситуации - МЕ-Е-Е может означать – козленок.

Итак, предположительно слова МЕНА, образованное двумя исходными простыми словами МЕ+НА, использовано в косвенных падежах личного местоимения первого лица единственного числа.

Но что в этом случае может означать сам именительный падеж? – Если по-современному – МЕ-неджера, а прежде МЕ-нялу, т.е. инициатора и исполнителя торгового обмена. Если торговая процедура обозначается словом МЕНА, то сам торговец – МЕНЯЛА= МЕН+Я+ЛА. Вопросительное слово ЛА, ЛЕ или ЛИ подразумевает: кто делает эту МЕНУ? Сама МЕНА – это торговля, а человек может быть МЕНЯ, распадаемое на две части МЕН+Я. Поэтому ответ на вопрос ЛА может быть двояким – МЕН или Я! По-русски используется вариант Я. Так как иначе именительный и родительный падежи различаются только лишь ударением, что может внести путаницу в понимания нерусскими.

Что соответствует воображаемому диалогу:

– МЕНЯ+ЛА?

– ЙА=Я!

По-русски Я это личное местоимение 1-го лица единственного числа, а по-немецки согласие – ДА.

Первая часть МЕН (МЭН) по-английски означает МУЖЧИНУ. В таком понимании

МУЖЧИНА есть просто *торговец*. Тот, кому нечего предложить, является как бы и не мужчиной.

Этим цивилизация торговцев или пиратов разительно отличающееся от русского понимания. В котором МУЖ-ЧИНА есть прежде всего обладатель какой-то должности или ЧИНА.

МЕНять также означает МАНить или заМАНивать (*выгодное предложение*), а сам ОБМЕН есть также ОБМАН.

Поэтому по-немецки мужчина – МАН, что тоже означает торговец или МЕНЯЛА. Это *позитивное* восприятие торговли.

Честный *обмен* без ПРИБЫЛИ лишен всякого смысла, поэтому по-русски торговля это всегда *обман* – «не обманешь – не продашь». Это восприятие *негативное*, торговцы всегда обманщики, сама торговля занятие отчасти *постыдное*. Купец это бесчестный *купчишка*, а продавщица – обманщица, обсчитает, обвесит. В русском восприятии торговец это *торгаш*.

В связи с этим становится понятным русское выражение «Я – последняя буква алфавита», подразумевающее в полной форме «МЕН-Я (т.е. торговец) это не лучшее, что можно себе пожелать».

А что вообще означает ТОРГОВЛЯ с корнем ТОРГ?

Сначала Фасмер.

«ТОРГ

*род. п. -а, торговый, торговать, укр. торг, род. п. -у, др.-русск. тѣргъ, ст.-слав. трѣгъ (Супр.), трѣг{о1}вънъ, трѣговиште, болг. тѣрг, сербохорв. трг "площадь, рынок; товар", словен. trg "рынок", чеш., слвц. trh, польск. targ, в.-луж. torhosco. Праслав. *тѣргъ (основа на -и; см. Мейе, Et. 239), родственно лит. turgus "рынок", лтш. tīrgus – то же, венет. "Триест" (Страбон 314), Opītergium, местн. н. на территории Венеции (буквально "хлебный рынок" или "товарный рынок"), иллир. tergītio "negotiator", абл. trege "рынок"; см. Г. Майер, IF I, 323 и сл.; Кречмер, "Glotta", 22, 102; 30, 140 и сл.; М. – Э. 4, 194 и сл.; Эндзелин, СБЭ 198; Лагеркранц, IF 25, 370; Краэ, IF 58, 220. Из вост.-слав. заимств. др.-сканд. torg "рынок", шв. torg, датск. torv, фин. turku; см. Ельквист 1205; Томсен, SA 4, 404; Миккола, Veruhr. 170 и сл.; АВ 80. Герм. происхождение сканд. слов, вопреки Хессельману у Ельквиста (там же), сомнительно. Герм. влияние на слав. (Карстен, Mel. Mikkola 92 и сл.; Унбегаун 95 и сл.) недоказуемо ввиду венет.-иллир. слов. Лит. turgus Скарджюс (226) считает заимств. из слав. Попытки произвести это слово от тюрк., монг. torga, torgu "иелк" (Рамстедт, "Neuphilol. Mitt.", 50, 99 и сл.) или от др.-тюрк. turku, turgu "стоянка" (Рясянен, "Neuphilol. Mitteil.", 52, 193 и сл.) не кажутся мне убедительными».*

Что можно извлечь из этого перечня ссылок? – Практически ничего. Что и не удивительно для прибалтийского немца, освоившего русский язык, конечно, не как родной, на котором он мог бы думать. Решившего почему-то учить ему самих русских. Что и как им следует думать о собственном языке. Понятно лишь, что *русское* слово ТОРГ имеет широкое хождение в других языках, но каково его происхождение и истинный смысл, что вроде бы и должна выяснять этимология? Этого же и близко нет.

Для собственно русского ответ может быть очень прост. ТОРГ это сокращение сложного слова, составленного из двух слов – указательного местоимения ТО и существительного РУГАНЬ, т.е. разговор на повышенных тонах, в котором собеседники отстаивают прямо противоположные позиции. ТО+РУГАНЬ и дает сокращение ТОРГ. Понятно и выражение ЯРОСТНЫЙ ТОРГ.

Слово ТОРГ записывается через Г, поскольку оно используется во множественном числе ТОРГИ.

При этом в устном произношении слово ТОРГ звучит как ТОРК откуда и возникает южное ТОРКА'ТЬСЯ (с ударной А) в значении КАСАТЬСЯ. Чего именно? – Первично,

конечно, собеседника в вопросах *торга*, а расширительно – чего угодно. Перестановка в слове ТОРГ согласной Р (*противоречием*, т.е. обратным произношением слога ОР–РО) дает слово ТРОГ откуда ТРО'ГАТЬ. Родство слов ТРО'ГАТЬ и ТОРГ этимологам, видимо, не известно.

Слово ТО'РКАТЬ (с ударной О) в расширенном понимании не просто касаться, но и ТОЛКА'ТЬ (замена Р на Л с ударной А) в том числе сильно, в значении бить или ударять. Отсюда возникает ТОЛЧЕ'К, а также ТО'РОН (с ударной О) или ТАРА'Н (с ударной А).

В.И.Даль «Толковый словарь живого великорусского языка»:

«ТО'РКАТЬ, то́ркнуть *однократн.*; сев. вост. *то́ркуть* и *торну́ть, то́ркивать*, среднее между *толкать* и *дергать*, *толкать туда и сюда*, *тормошить*; *стучать*, *колотить во что, чтоб услышали*. Торкать в двери, в ворота. Торни в дверь, так вылетит! Не торкай его, *не трогай, не толкай, не тормоши*. Не торкай эдак бочки, расторкаешь, так потечет. Смол. пск. новг. *втыкать что*. Вто́ркивать березки, на Троицу. Вторкни нож в стену. *Торкаться, толкаться, стучаться*. Кто-то то́ркается, отопри! Что ты то́ркаешься, я тебя не трогаю! Вто́ркнуть пробку в бутылку. Выторкнул оконницу. Его, сонного, недото́ркаешься. Дятлы чуть свет заторкали. Миску всю обторкали. Потóркивай, авось услышат. Подто́ркнул локоть. Проторкал насквозь. Навески расторкались. *То́ркание ср. действ. по глаг. Торк м. стук*. Что за торк? *То́ркии* пск. твер. (то́ркать и торча́ть) *деревянный гвоздь в бочке или в кваснике. То́рком или торкишо́м, нареч. торчмя, торчком, тычком, то́рцем. То́рон м. сев. вост. Или торо́н, зап. толчок, удар тычком, бодком, немецк. Stoss, противополо. тиск, натиск, налог, давление; внезапный натек силы, с разгону; стар. налет, наскок, набег военной силой, или грабителей*. А островичи тогда ходиша то́роном к Белью, *на по́иск, набег*. Иде... на то́роне, и засташа я в одринах, и убиша их 40 муж. То́рон, *ныне бол. говор. таран, баран, орудие для сильного бою по уровню (не сверху, по отвесу); окованное бревно навесу, см. таранить. То́рон, также шквал, порыв или удар ветра, то́рок; см. торока. То́ронко вологодск. тяжело, говорят о вещи; *тяжко, трудно, утомительно*».

Лично я этих локальных слов живьем не слышал, кроме близкородственных *тыкать* и *ткнуть*. И примыкающим к ним *пхнуть* и *пихать*.

И снова Фасмер.

«торкать»

то́ркать, -аю, то́лкать, колотить, то́ркнуть "толкнуть, рвануть", торк "толчок, стук", по́торок "удар", остаишк., псковск., вы́торкать, вы́торнуть "выдергать, вытянуть, выскочить (кости выскочили)", тихвинск., петерб. (ИОРЯС I, 299), укр. торка́ти "трогать, толкать", блр. торка́ць "совать, толкать", болг. тѣрка̀м, тѣ̀рна̀ тѣ̀ру, мешаю, сербохорв. тѣ̀рати, тѣ̀рѣ̀м "бегать туда-сюда", словен. tŕkati, tŕka "стучать, толкать", чеш. trkati, strkati "толкать", слов. strkat', польск. stark то́лчок, в.-луж. storkaś, storčic то́лкать, н.-луж. starkaś, starcyś – то же.

*Праслав. *tŕk-, *stŕk-, по-видимому, звукоподражательного происхождения. Ср. лит. tūrkerėti "толкнуть"; см. Буга (РФВ 75, 151), который предполагает здесь ступень чередования к русск. ту́рить "гнать, быстро бежать"; см. также Шахматов, ИОРЯС 7, 2, 305; 7, 2, 338. О заимствовании из карельск. turkaita "толкать" (Лесков, ЖСт., 1892, вып. 4, стр. 102) не может быть и речи».*

Итог всей этой премудрости таков — «*Праслав. *tǫrk-, *stǫrk-, по-видимому, звукоподражательного происхождения*».

О связи слов ТОРГ и ТОРК и уж тем более раскрытии самого слова ТОРГ и речи нет. Результат попросту нулевой.

Еще один забавный пример. Этимология слова ВРАНЬЁ.

*«Происходит от гл. врать, из неустановленной формы. По одной гипотезе, из праслав. *vǫrati, *vǫrǫ, сюда же врач; сторонники этой гипотезы предполагают родство с др.-греч. ῥήτωρ «оратор», ἔρῶ, «скажу», *εῖρων, откуда εἶρων «человек, который говорит не то, что думает», латышск. vervelet, -ēji «бубнить, быстро тараторить» (из *verver-); далее, сюда же относят лит. vaĩdas «название», латышск. vārds — то же, др.-прусск. wīrds «слово», лат. verbum, готск. waird «слово». По другой гипотезе, ввиду того, что слово врать только великорусск., предполагается новообразование от основы врѣти „кипеть“ > „говорить чепуху“; также производят врать из за-верѣть, за-вѣра, ср. плесті, сплѣтнн; сторонники последних гипотез отрицают связь с врач». Использованы данные словаря М. Фасмера с комментариями О. Н. Трубачёва; см. Список литературы».*

Какая бездна образования! Переработаны тонны словесной руды. Каких только языков к сему не приплетено! Нет только одного – наипростейшего. Из области птичьей этимологии. Кукушка *накуковала*, сорока *на хвосте принесла*, ВОРОНА *накаркала*.

Враньё это ведь прямо от слова ВРАН, ВОРОН, ВОРОНА. Каркающее ВОРОНЬЁ это и есть ВРАНЬЁ.

Порой начинает казаться, что *признанный ученый* почти такое же ругательство, как *хренов интеллигент*. *Планово обученный графоман* на зарплате. Хуже этого только *креаклы* – «эксперты» и телеведущие. Ниже падать уже просто некуда.

Рис.7. – Знаешь, что я думаю? – Нет. – Что ты хренов интеллигент (фильм «Корабль дураков»).